Чучвага, А. А. У истоков западничества и славянофильства: проблема национального самосознания в русской литературной критике первой четверти XIX в. / А. А. Чучвага // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 84 – 90

А. А. Чучвага

У ИСТОКОВ ЗАПАДНИЧЕСТВА И СЛАВЯНОФИЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

И горе наше или счастье в том, что у нас действительно «две родины — наша Русь и Европа», и мы не можем отречься ни от одной из них: мы должны или погибнуть, или соединить в себе оба края бездны.

Д. С. Мережковский. «Л. Толстой и Достоевский»

Национальное и культурное самоосмысление — один из важнейших вопросов идентификации сформировавшегося этноса. Основным содержанием этнического самосознания являются представления о характерных чертах своей нации, а содержанием этнического сознания — представления о «других». В отличие от этнического самосознания личности самосознание этнической общности существует как на индивидуальном уровне, так и на надличностном. Как указывает Ю. Бромлей, этническое сознание объективируется в массовых формах общественного сознания — в языке, в произведениях искусства, литературе, науке, морально-правовых нормах [1, с. 177].

Одной из критических точек в эволюции русского этноса можно обозначить рубежный период конца XVIII — первой четверти XIX в.: переломный момент русской культуры, означавший и первые плоды русского Просвещения, и Отечественную войну 1812 г., и золотой век русской литературы. Размышления о развитии русского этноса явились неотделимой частью русской литературной критики.

Вера в уникальность своего этноса и его наследия всегда имеет место у одной части ее представителей, равно как и стремление культуру своего этноса рассматривать сквозь призму неких «общекультурных» норм, опираясь на наследие других культур и этносов. Признавая за собой право дискутировать об истинном пути развития своей нации, передовые члены той или иной этнической группы зачастую вступают в полемику между собой, реализуя таким образом свое национальное самосознание. Как указывают Дж. Де Во и Л. Романаччи-Росс, «внешнее и внутреннее чувство контраста в культуре может подчеркиваться в горизонтальном или вертикальном направлении. Контрастные этнические чувства могут быть направлены на индивидуумов, считающихся равными соперниками (antagonists), или чувство этнического различия может базироваться на рассмотрении другой группы как менее развитой. С течением времени эта группа может прийти к тому, чтобы рассматривать себя как нижестоящую» [2, с. 371].

Одним из основных вопросов, который пытались разрешить русские интеллектуалы начала XIX в., был вопрос этнической и культурной состоятельности, самостоятельности и уникальности, равенства русского этноса другим европейским этносам. Предпринималась попытка упразднения устоявшегося в русской культуре предубеждения культурного отставания от просвещенного европейского мира. Однако центральным вопросом этой полемической дискуссии длиной в четверть века была не проблема этноса как такового и его развития, а тема языка как вопрос осуществления национальной идентификации. Именно обсуж-

Чучвага Анна Анатольевна — докторант факультета современных языков и культурных исследований Университета Альберты (Эдмонтон, Канада), кандидат культурологии (ВАК Республики Беларусь)

дение вопросов формирования русского языка и путей его дальнейшего развития, как оказалось, в целом обусловило постановку вопроса: кто же такие русские?

Началом жаркой дискуссии стала книга адмирала в отставке А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», вышедшая в свет в 1803 г. Как отмечают А. Курилкин и М. Майофис, этот «манифест» более чем на десятилетие определил характер и направление последующих споров [3, с. 4]. Известно, что книга Шишкова имела огромный резонанс. Ее автор имел и своих сторонников, и противников. Что же вызвало острую полемику, не прекращавшуюся четверть века?

Сочинение Шишкова было направлено против статьи Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» («Вестник Европы». 1802. № 14). Основной идеей работы адмирала являлась мысль о самоценности русского «старого слога» — слога Священного Писания, языка древнерусской литературы и М. Ломоносова. Шишков всячески критиковал заимствования из других европейских языков и полагал, что писателям надобно в качестве образцов для подражания избирать не французских авторов, а лучшие образцы старинных русских писаний: «Кратко сказать, чтение книг на природном языке есть единственный путь, ведущий нас в храм словесности» [4, с. 25]. При этом отрицание заимствований касалось только французского языка, древнегреческие авторы оставались образцом для подражания: «...многими веками утвержденное основание языка своего» [4, с. 24]. Ссылаясь на «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» М. Ломоносова, Шишков утверждает, что заимствования из иностранных языков «вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю» [4, с. 25]. Действительно, у Ломоносова читаем: «...дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют» [5, с. 252].

Однако, отталкиваясь в своих рассуждениях от суждений Ломоносова и его взглядов, Шишков не учитывает того, что последний, по всей видимости, указывал не на всякие заимствования из других языков как пагубные. Ломоносов разрабатывал, с одной стороны, проблемы языковых связей и вопросы особенностей русского языка как богатейшего из живых языков, с другой — вводил в русский язык множество научных терминов, без которых сегодня нельзя себе представить научно-философское познание мира [6, с. 67], заимствованных из греческого, латыни и европейских языков. Таким образом, Шишков довольно однозначно судит о размышлениях Ломоносова и делает огульный вывод, что Ломоносов отрицал любое заимствование.

Как указывает А. Ранчин, лингвистическая проблематика, занимавшая русскую критику на протяжении всего XVIII — начала XIX в., действительно сконцентрировалась на осмыслении литературного языка и противопоставлении языку церковно-славянскому и простонародному. В Петровскую эпоху в русский язык хлынули потоки «варваризмов» — заимствований из голландского, польского и других европейских языков [7, с. 7]. Именно против «варваризмов» в простонародной речи и «канцеляризмов» в государственном языке был М. Ломоносов, который также желал утвердить «средний» или «посредственный» слог (штиль) для использования в прозаических и драматических произведениях литературы [5, с. 249—250]. Таким образом, проблема заимствования осмыслялась Ломоносовым несколько иначе, не так как представил вопрос заимствования Шишков, который был противником любых понятий, взятых из французского языка и переведенных на русский язык [1, с. 32—33]. Он полагал такое словообразование нелепым, а понятия, произведенные подобным образом, называл русско-французскими.

Первым серьезным критическим разбором книги адмирала Шишкова явилась работа П. Макарова, опубликованная в 1803 г. в «Московском Меркурии», издателем которого сам

и являлся. Журнал отличала явственная французская ориентация, однако рецензия на книгу Шишкова выдвинула Макарова в ряды поборников «Карамзинской реформы» языка, которая стала результатом «падения витийственной “славяно-российской” поэзии» [8]. Макаров первым указал на употребление Шишковым вслед за Ломоносовым понятия «славенский язык»: «...мы получили в наследство великое количество слов, которыми, однако ж, не умеем изъяснить всего, что думаем» [9, с. 59]. Основным аргументом Макарова можно считать меткое утверждение: «Удержать язык в одном состоянии невозможно: такого чуда не бывало от начала света... Придет время, когда и нынешний язык будет стар» [9, с. 60].

Однако изобилие стилистических ошибок, консервативность суждений и утопичность культурной программы не мешает сегодня признать несомненную ценность «манифеста» А. Шишкова. Если литературная критика XVIII в. являлась объяснением и пояснением принципов творчества новой русской литературы, то литературная критика начала XIX в. попыталась выйти за пределы рассуждения на темы стилистики и риторики в сферу осмысления культуры и ее истории.

Шишков, возможно, впервые задолго до начала движения славянофилов, поставил во главу угла в русской критической мысли принцип самодовлеющей русской национальной культуры. Он обратился к ценности русского языка и русской культуры как его носителя и, предшествуя славянофилам, озвучил идею национального своеобразия и самобытности русской культуры, выразившуюся в языке. Он был первым, кто попытался внедрить в сознание россиян, образованной элиты русской нации, дерзкую мысль отрицания раболепия перед Западом.

В 1806 г. другой участник «Беседы любителей русского слова» и «Вольного общества любителей словесности» А. А. Писарев, критик и теоретик искусства, опубликовал «Рассуждение о словесности...», обратившись к истории отечественной словесности. Зачатки русской словесности он увидил в народных песнях и обрядах, в фольклоре, что оказалось за пределами внимания Шишкова. Он писал, что «...доказательство древней нашей словесности состоит в некоторых дошедших до нас народных песнях, в которых упоминаются обряды идолопоклонства: следственно, как кажется, сочинены до христианской веры» [10, с. 51—52]. Правда, серьезный интерес к русскому народному творчеству будет проявлен позже, в русле славянофильского движения.

Сам Н. М. Карамзин так и не вступил в полемику с Шишковым — сторонники «нового слога» остались в стороне. После начала наполеоновской кампании 1805 г. Шишков стал приобретать сподвижников. Более того, он, еще в начале XIX в. бывший в оппозиции Александру I, уже во время войны сопровождал царя в военных походах и писал для императора все манифесты и рескрипты, касавшиеся военных действий. В марте 1812 г., после отставки государственного секретаря М. М. Сперанского, император назначил на этот пост именно А. Шишкова [3, с. 11]. Таким образом, литературная общественность в военное и послевоенное время еще острее почувствовала необходимость развития русского языка как одного из фундаментов культурного самоосмысления и пересмотрела свое отношение к французской культуре и языку. Однако оставалось ясным, что развивать язык, опираясь только на наследие древнерусского языка, в принципе невозможно.

Таким образом, вопрос о языке не был снят с арены литературной критики, но тематика литературно-критической полемики начала несколько смещаться в сторону поиска ответов на вопрос, заданный еще Карамзиным: «Отчего в России так мало талантов?» Так, в 1814 г. Н. Гнедич написал «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности». В статье он поднял вопрос об истории формирования литератур, сделал попытку сравнительного анализа развития современной литературы на фоне древней, согласившись с Шишковым, что «...словесное богатство найдет он [человек] в книгах церковных и летописцах, но это еще будет прекрасный материал, который употреблять они искусства не откроют; ибо в

языке гражданском мы имеем особые формы» [11, с. 203]. Он полностью солидарен с автором «Рассуждения о старом и новом слоге» и в рассуждениях об «испорченности» общества французским языком как языком общения: «И мы сами продолжаем торжество его [французского языка]; ибо учим его не для просвещения, не для познания словесности, но для моды, для разговора» [11, с. 204]. Однако Гнедич оказывается одновременно и почитателем Карамзина: «Должно сказать, что при таких обстоятельствах труды г. Карамзина еще более почтенны. Сколько ему было препятствий, чтоб составить приятный слог прозы, близкий языку общества; ибо он у нас первый увидел нужду в сем слоге, первый узнал его свойство, первый почувствовал, что формы прозы имеют такие же законы гармонии и меры, как стихосложение, и слогу своему смог дать легкость и гармонию» [11, с. 206—207]. Гнедич одним из первых заявил о необходимости уважения к своему языку, о национальной гордости, что следует считать актом программного выражения национального самосознания[1] русской интеллектуальной элиты.

Дальнейшее развитие полемики может показаться не столь острым и непримиримым, но вопрос: «как развивать прозаический язык?» по-прежнему оставался на повестке дня. В 1815 г. возникла группа «Арзамас», в состав которой входили виднейшие литераторы того времени — К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, Д. В. Дашков, С. С. Уваров, П. А. Вяземский, С. П. Жихарев. Она противопоставляла себя кружку А. Шишкова «Беседа любителей русского слова» и его лингвистической программе и идеологии. Известно, что общество это было закрытым, замкнутым, объединенным прежде всего по принципу дружеских связей, а потом уже литературных вкусов. Это обусловило и пародийно-сатирический характер выступлений и собраний в целом. Вместе с тем С. С. Уваров утверждал, что в «Арзамасе» «занимались строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой самостоятельности теории языка, и пр. В то же время под влиянием «Арзамаса» писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина» [цит. по: 12, с. 327]. Более того, оказалось, что теперь литературные критики пытались проанализировать не только язык сам по себе, но и связи между языком, гражданственностью и образованностью, просвещением и благосостоянием страны. Однако было заманчиво критиковать Шишкова и его последователей, оспаривать же признанные авторитеты никто не осмеливался. «Особенно великие произведения муз имеют влияние на язык новый и необработанный. Ломоносов тому явный пример. Он преобразовал язык наш, созидая образцы во всех родах. Он то же учинил на трудном поприще словесности, то Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу. Ломоносов пробудил язык усыпленного народа...», — заявлял К. Н. Батюшков [13, с. 313].

Как указывают А. Курилкин и М. Маофис, в 1816 г. лингвистическая теория Шишкова была окончательно развенчана [3, с. 17], но это касалось только мифа о «российско-славянском языке»[2]. Идеологическая же программа бывшего адмирала, заявившая о необходимости национального возрождения, была впоследствии развита в русле славянофильского движения А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, К. С. Аксаковым. Русская мысль начала XIX в. еще не осмеливалась полемизировать с признанными авторитетами, оспаривать деяния таких исторических фигур, как Петр I или Екатерина II, противопоставлять Россию Западу.

[1] «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности» было публично прочитанно на торжественном собрании открытия Императорской Публичной библиотеки 2 января 1814 г.

[2] М. Каченовский, издатель «Вестника Европы», опубликовал статью «О славянском языке вообще и в особенности о церковном», где доказал, что церковно-славянский язык — южнославянская ветвь группы славянских языков.

Но именно та проблематика, которая была поднята и осмыслена, составила мощный фундамент для последующего всплеска русской философской мысли в лице славянофилов.

Известно, что «арзамасцы» имели намерение издавать журнал, которое так и не было реализовано. Оказалось, что постепенно интерес к словесности и литературе начал замещаться вопросами политическими. 29 сентября 1817 г. Н. Тургенев записал в дневнике: «Третьего дня был у нас "Арзамас". Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство» [цит. по: 12, с. 336]. А в 1818 г. «Арзамас» распался — после развенчания теории Шишкова уже некому было себя противопоставлять в литературной критике, и далеко не все участники были готовы противопоставить себя официальной власти.

Тот же 1818 г. был ознаменован очередным публичным выступлением Н. М. Карамзина, который подвел своего рода «итоги» того этапа развития русской словесности, зачинателем которого он сам и явился. В словах Карамзина был отражен тот идеологический подход, который впоследствии разработают и осмыслят западники: «Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения. Красоты *особенные*, составляющие характер словесности *народной*, уступают красотам общим; первые изменяются, вторые вечны. Хорошо писать для россиян — еще лучше писать для всех людей. Если нам оскорбительно идти позади других, то можем идти рядом с другими, к цели всемирной для человечества...» [14, с. 346]. Признавая и подчеркивая русскую уникальность, не отрицая ценности памятников древнерусской словесности, Карамзин тем не менее указывает на то, что у России и Запада общий путь культурного развития: «...наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость — мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии флорентийской и парижской...» [14, с. 341—342].

Так же как идеи Шишкова явились предтечей славянофилов, мысли Карамзина выглядят предвосхищением западничества. Как полемика западников и славянофилов была, по П. Анненкову, «спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма» [6, с. 103], так и противоречия «шишковцев» и «карамзинистов» были проникнуты высоким патриотическим чувством и желанием сделать все возможное для развития русского языка, литературы и культуры в целом.

Созвучными будущим западникам были так же высказанные в 1822 г. мысли А. Мерзлякова, профессора Московского университета, одного из организаторов «Общества любителей русской словесности». В своих рассуждениях о литературной критике он писал: «И если все народы совершенствовались постепенно одинаким образом (что нам опыт многих веков доказывает), то мы следуем ли тем путем, которым шли народы, прежде нас образованные? Вот важные вопросы, которые могут разрешиться только судом критики...» [15, с. 190—191].

Одним же из наследников идеологических взглядов Шишкова можно считать А. Бестужева. Будущего декабриста интересовала история русской словесности и языка, в которой он отводил видное место бывшему адмиралу и нынешнему президенту Российской Академии наук: «...когда слезливые полурусские иеремиады наводнили нашу словесность, он сильно и справедливо восстал противу сей новизны... Теперь он тщательно занимается родословною русских наречий и речений и доводами о превосходстве языка славянского над нынешним русским», — писал Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» [16, с. 426]. Однако, высоко оценивая Шишкова и его книгу, Бестужев косвенно упоминал, что его лингвистическая теория тем не менее развенчана: «С Библиею (в X веке), написанною на

болгарско-сербском наречии, славянизм наследовал от греков красоты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение эллинские...» [16, с. 418].

Попытался Бестужев дать критику лингвистическим реформам времен Петра I и Елизаветы: «От времен Петра Великого, с учеными терминами, вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Век галлицизмов настал в царствование Елисаветы, теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий» [16, с. 418]. В критическом очерке «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужев заявил, что в России есть критика, но нет литературы, и попытался найти причины такого явления. Главную причину он увидел в том, что его современники «...воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народной гордостию, вместо того чтобы возбудить рвение и сотворить то, чего у нас нет, старается унизить даже и то, что есть. К довершению несчастия, мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка» [17, с. 58—59].

Таким образом, русская литературная критика первой четверти XIX в. пыталась осмыслить значение русского языка и литературы в культуре. Еще впереди были основные литературные открытия А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, торжество русского литературного языка. Однако состоялись ли бы эти гении русской прозы, если бы их предшественники не указали на необходимость развития русской словесности и не разработали пути и направления? Оформились бы славянофильская и западническая культурфилософские парадигмы, если бы русская критическая мысль первой четверти XIX в. не задала вопросы о путях развития литературы и культуры? Каким был бы последующий процесс русского национального самоосмысления середины XIX в., если бы не было объявлено прежде: «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана»? [18, с. 119—120] Безусловно, еще многое не было сказано, многие вопросы так и остались не заданными, но зародыш последующего всплеска русской философской мысли и философствующей литературы был оформлен. Логика дальнейшего развития была задана. Русский этнос впервые заявил себе самому о себе самом и задумался о своей уникальности, ценности своего историко-культурного наследия, озаботился поисками древнерусской письменности и фольклора. И задал себе вопрос: кто мы такие, русские, и куда мы идем?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бромлей, Ю.* Очерки теории этноса/ Ю. Бромлей. М. : Наука, 1983.

2. Ethnicity: Vessel of Meaning and Emblem of Contrast. Ethnic Identity. Cultural Continuities and Change. / Edited by De Vos G., Romanucci-Ross, L. : Palo Alto: Mayfield Pub. Co., 1975. P. 363—390.

3. *Курилкин, А.* Литературная критика Александровского царствования / А. Курилкин, М. Майофис // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 3—22.

4. *Шишков, А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 23—57.

5. *Ломоносов, М.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. Ломоносов // Критика XVIII века. М. : Олимп, 2002. С. 247—253.

6. *Новиков, А.* История русской философии / А. Новиков. СПб. : Лань, 1998.

7. *Ранчин, А.* Первый век русской литературной критики / А. Ранчин // Критика XVIII века. М. : Олимп, 2002. С. 3—27.

8. *Эйхенбаум, Б.* Путь Пушкина к прозе. http://infolio.asf.ru/Philol/Eihenbaum/putkproze.html

9. *Макаров, П.* Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» / Критика первой четверти XIX века / П. Макаров. М. : Олимп, 2002. С. 57—72.

10. *Писарев, А.* Рассуждение о словесности, читанное в вольном обществе любителей наук, словесности и художеств 18 ноября 1805 года / А. Писарев // Литературная критика 1800—1840-х годов. М. : Художественная литература, 1980. С. 50—55.

11. *Гнедич, Н.* Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности / Н. Гнедич // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 193—209.

12. История русской литературы. Литература первой половины XIX века. Т. V. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941.

13. *Батюшков, К.* Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей Российской словесности», в Москве 17 июля 1816 года / К. Батюшков // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 312—321.

14. *Карамзин, Н.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года / Н. Карамзин // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 341—349.

15. *Мерзляков, А.* О вернейшем способе разбирать и ценить сочинения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам / А. Мерзляков // Литературная критика 1800—1840-х годов. М. : Художественная литература, 1980. С. 188—209.

16. *Бестужев, А.* Взгляд на старую и новую словесность в России / А. Бестужев // Критика первой четверти XIX века. М. : Олимп, 2002. С. 417—438.

17. Бестужев, А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов / А. Бестужев // «Их вечен с вольностью союз». Литературная критика и публицистика декабристов. М. : Современник, 1983. С. 58—67.

18. *Кюхельбекер, В.* Лекция о русском языке / В. Кюхельбекер // «Их вечен с вольностью союз». Литературная критика и публицистика декабристов. М. : Современник, 1983. С. 119—126.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена полемике русской интеллектуальной элиты первой четверти XIX в., в которой поднимаются вопросы этнической идентичности, культурного богатства и уникальности русского этноса и предпринимается попытка искоренить миф о русской культурной отсталости. Центральной темой этой дискуссии являлось формирование русского литературного языка и проблема национальной идентичности. В статье анализируются взгляды А. Шишкова, П. Макарова, А. Писарева, Н. М. Карамзина, Н. Гнедича, К. Батюшкова, А. Мерзлякова, А. Бестужева. Данная дискуссия в известной степени предопределила острополемические дебаты западников и славянофилов.

SUMMARY

The article explores the polemics of the Russian intellectual elite of the first quarter of the nineteenth century, which tackles the questions of ethnic identity, cultural opulence, and uniqueness of Russian ethnos as an attempt to eradicate an established in Russian consciousness myth of cultural backwardness. The central subject of the discussion was the theme of forming of Russian literary language per se and explored as a problem of implementation of national identification. The article brings together and analyzes the views of the foremost Russian critics of the first quarter of the nineteenth century such as Aleksandr Shishkov, Petr Makarov, Aleksandr Pisarev, Nikolai Karamzin, Nikolai Gnedich, Konstantin Batiushkov, Aleksei Merzliakov, Aleksandr Bestuzhev, etc. The author makes a conclusion that to certain extent that keen polemics have forestalled the subsequent debates of the Westerners and Slavophiles.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2009 г.